О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ДИМИТРІѢ,

АРХІЕПИСКОПѢ ХЕРСОНСКОМЪ И ОДЕССКОМЪ, БЫВШЕМЪ РЕКТОРѢ И ПРОФЕССОРѢ АКАДЕМІИ.

Воспоминанія студента 14-го курса Кіевской Академіи.

Незабвенный для Кіева, особенно для здѣшней духовной Академіи, какъ ея воспитанникъ и затѣмъ профессоръ и ректоръ, преосвященный Димитрій (Муретовъ) родился въ селѣ Лучинскомъ, Рязанской епархіи. Родитель Климента (имя, данное ему въ крещеніи) Муретова былъ въ означенномъ селѣ діакономъ. О воспитаніи Климента Муретова въ Рязанской духовной семинаріи извѣстно намъ изъ устъ самого архіепископа Димитрія вотъ что: «я въ семинаріи много плакалъ, такъ что и прозваніе носилъ: плакса». Грустное настроеніе души чувствительнаго юноши миновало съ поступленіемъ его въ Кіевскую духовную академію въ 1831 году и надолго оставило его, какъ самъ же разсказывалъ о семъ намъ владыка Димитрій: «съ поступленія моего въ академію и до выхода изъ академіи на архипастырское служеніе, плакать я пересталъ. Но сдѣлавшись архіереемъ, снова горько плачу». Какія причины этого горькаго плача незабтеннаго іерарха, услышимъ далѣе.

Климентъ Муретовъ былъ лучшимъ изъ воспитанниковъ академіи и окончилъ курсъ 1835 году 1-мъ магистромъ. Тогдашній ректоръ академіи и богословія профессоръ преосвященный Иннокентій (Борисовъ) любилъ и уважалъ достойнаго уваженія студента. Говорили, что по совѣту Ин-

нокентія и въ монашество поступилъ Климентъ Муретовъ и что давая такой совѣтъ юношѣ, Иннокентій желалъ въ немъ имѣть себѣ достойнаго преемника въ качествѣ профессора Богословія. Принимая сей разсказъ за достойный вѣроятія, вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать и то за правду, что еслибы не было внутренняго призванія къ высокой жизни иноческой въ душѣ Муретова, не послѣдовалъ бы онъ совѣту воспитателя. Климентъ принялъ монашество еще до окончанія курса и предъ окончаніемъ курса написалъ такое богатое христіанско-аскетическимъ содержаніемъ курсовое сочиненіе, которое каждому читателю его даетъ примѣтить, что его писатель изъ благочестивыхъ благочестивый богословъ. Оно напечатано вмѣстѣ съ курсовыми сочиненіями другихъ магистровъ того же курса (VII). За это сочиненіе удостоенъ былъ о Димитрій степени 1-го магистра и похвальнаго отзыва отъ преосвящен. Филарета митрополита московскаго: «Добрѣ, добрый о. Димитрій!» Предметъ сочиненія: *О путяхъ Промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ на путь покаянія*, предметъ весьма интересный. Въ изложеніи же о. Димитрія онъ сталъ еще интереснѣе. Множество собранныхъ изъ церковной исторіи фактовъ обращенія грѣшниковъ, указанія на разнообразіе дѣйствій въ сихъ событіяхъ Всеблагаго и Премудраго Бога Спасителя, святое искусство, съ какимъ авторъ сочиненія весь собранный имъ богатый матеріалъ духовной жизни освящаетъ живою мыслію о Вседержавномъ и Преблагомъ Промыслѣ Божіемъ и какъбы показуетъ читателю самого Господа, нехотящаго смерти грѣшныхъ, но еже обратитися и живымъ быти,—все это показываетъ въ писателѣ сочиненія не только глубокаго и основательнаго богослова, но и искренняго христіанина и высокаго подвижника, и вы отъ сердца пожелаете повторить отзывъ о сочиненіи приснопамятнаго Филарета, митрополита московскаго: «Добрѣ, добрый о. Димитрій!»

По окончаніи курса о. Димитрій оставленъ былъ при академіи баккалавромъ на каѳедру Догматическаго бого-

словія съ 7-го октября 1835 года. А 6-го сентября 1837 года, какъ отличный преподаватель, минуя экстраординатуру, повышенъ въ званіе ординарнаго профессора Богословія. Изъ жизни о. Димитрія за это время извѣстны намъ такіе факты. Разъ, наканунѣ большаго царскаго дня, преосвященный Иннокентій, призвавъ о. Димитрія, поручилъ ему составить на утро проповѣдь для произнесенія ея въ Лаврѣ на служеніи митрополита, такъ какъ очередная, представленная кѣмъ-то Иннокентію проповѣдь не оказалась достойною произношенія. О. Димитрій по выходѣ отъ владыки-ректора изъ Михайловскаго монастыря на дорогѣ обдумалъ планъ проповѣди. Въ ночь написалъ. На утро чуть-свѣтъ къ Иннокентію. Сей, не просмотрѣвъ, замѣчаетъ: «знаю, что проповѣдь ваша хороша. Шествуйте и благовѣствуйте». Въ смущеніи восходитъ на каѳедру юный священноинокъ и произноситъ текстъ начальный проповѣди: *и будутъ*, Сіоне, *царіе кормители твои, и княгини ихъ кормилицы твои* (Иса. 49, 23); но замѣчая въ публикѣ возбужденіе вниманія, ободряется. Произнесши проповѣдь и сходя съ каѳедры, слышитъ себѣ слова благодарности отъ слушателей.—Другой фактъ изъ жизни о. Димитрія за это время. Сдѣлавшись библіотекаремъ верхней библіотеки академической (устроенной на галлереяхъ зала акад. библ. въ новомъ корпусѣ), онъ зачитывался такъ, что забывалъ и часы обѣда, и нерѣдко усыпалъ въ библіотекѣ. Все время службы его при академіи, жизнь его, сколько наблюдали мы студенты, проходила такъ. Въ три часа утра о. Димитрій вставалъ съ постели; по звону въ это время къ утренѣ въ Братскомъ монастырѣ, шелъ въ церковь и выслушивалъ утреню, оставался слушать и раннюю литургію. Послѣ утренняго чая шелъ въ правленіе, изъ правленія въ классъ. Въ 1-мъ часу кушалъ. Послѣ обѣда отдыхалъ до 3-хъ часовъ. Ложился спать не ранѣе 12-ти часовъ. Но часто не спалъ по цѣлымъ ночамъ, проводя ихъ въ чтеніи книгъ до самаго звона къ утренѣ. И вообще о. Димитрій проводилъ строго подвижническую жизнь, ~~всегда~~ на

тѣлѣ своемъ власянницу и довольствуясь скромною трапезой; никогда не принималъ женщинъ. Подражая кіевскому митрополиту Филарету, который по разсказу о. Димитрія намъ, любилъ милостыни совершать втайнѣ, и о. Димитрій благотворилъ бѣднымъ сокровенно. Въ то время подвизался при свято-Андреевской въ Кіевѣ церкви рабъ Христовъ Іоаннъ, по прозванію *Босый* (который, сказывали, происходилъ изъ высокаго княжескаго рода). Этотъ Іоаннъ каждодневную предлагалъ трапезу нищимъ при Андреевской церкви отъ приношеній, подававшихся ему на сіе отъ благочестивыхъ нѣкоторыхъ изъ кіевлянъ и отъ иногородныхъ христолюбцевъ. До сотни человѣкъ собиралъ боголюбивый и христолюбивый нищелюбецъ. Его-то любилъ посѣщать о. Димитрій еженедельно по четвергамъ и конечно не безъ подаяній на доброе дѣло блаженнаго подвижника сего.

4 февраля 1838 года о. Димитрій сдѣланъ былъ инспекторомъ академіи. 27 апрѣля 1841 года возведенный въ санъ архимандрита, получилъ должность ректора Академіи и прослужилъ въ этой должности около 10 лѣтъ до 23 декабря 1850 года, когда назначенъ былъ въ епископа Тульской епархіи, въ каковый санъ былъ хиротонисанъ 4 марта 1851 года. Свыше 15-лѣтняя служба его въ академіи оставила въ ней глубокій слѣдъ. Начнемъ съ того, что онъ имѣлъ значительное воспитательное вліяніе на студентовъ и на народъ благоустроеніемъ богослуженія. Службы въ академическихъ храмахъ совершаемы были при немъ такъ, какъ онѣ совершаются и донынѣ во всѣхъ строгихъ нашихъ монастыряхъ: прочитываемы были положенные по уставу псалмы и каноны. Совершители богослуженія вели себя благоговѣйно. Пѣніе исполняемо было прекраснымъ академическимъ хоромъ, состоявшимъ изъ студентовъ академіи и учениковъ духовнаго училища Кіево-Подольскаго, съ участіемъ и любителей пѣнія изъ профессоровъ. Чтенія на клиросахъ совершаемы были студентами внятно и разумно. Особенно намъ сладостно становилось богослуженіе, когда совершалъ оное самъ нашъ о. Димитрій.

При богослуженіи ректора мы не отягощались и такими продолжительными церковными моленіями, какъ напримѣръ утреня четвертка 5-й седмицы в. поста. Надобно было слушать, какъ читалъ великій канонъ Андрея Критскаго о. Димитрій, чтобы уразумѣть всю силу, все достоинство сей превосходной покаянной пѣсни-молитвы, этого сокрушеннаго вопля къ щедрому Богу о помилованіи искренно кающагося въ грѣхахъ своихъ. По субботамъ каждонедѣльно неутомимый ректоръ нашъ предъ литургіей прочитывалъ предъ Братскою, чудотворною иконой Богоматери положенный акаѳистъ Приснодѣвѣ. Въ промежуткахъ между лекціями и мы студенты спѣшили въ храмъ, выслушать изъ медоточивыхъ устъ священно-архимандрита небесную пѣснь Честнѣйшей херувимовъ: «радуйся, Невѣсто Неневѣстная». Помнящіе доселѣ архимандрита Братскаго монастыря Димитрія кіевляне говорятъ, что поражалъ онъ и наружностію своею: о. Димитрій росту былъ высокаго, брюнетъ, съ большими выразительными глазами; волосы на головѣ имѣлъ густые, бороду большую и окладистую. Подлинно нельзя было не любоваться на о. Димитрія, особенно когда онъ священнодѣйствовалъ Божественную литургію съ принадлежностями архіерейскаго богослуженія, усвоенными архимандритамъ Братскаго монастыря, какъ первоклассnаго и ставропигіальнаго. Въ наше время, когда были мы студентами академіи, о. Димитрія въ народѣ кіевскомъ звали не иначе, какъ *Братскій архіерей.*

Какъ профессоръ, о. Димитрій былъ достойнымъ преемникомъ Иннокентія. Весьма замѣчательно въ немъ, какъ профессорѣ, всестороннее знаніе не только своего предмета, но и другихъ, не относящихся къ его каѳедрѣ. Когда какой-либо изъ наставниковъ академіи не могъ быть на урокѣ своемъ по болѣзни, или по другимъ какимъ обстоятельствамъ, ректоръ замѣнялъ его въ классѣ самъ. Особенно часто это замѣненіе преподавателя ректоромъ было въ курсы, предшествовавшіе нашему. И по увѣренію воспитанниковъ тѣхъ курсовъ (напримѣръ протоіерея кіев-

ской Георгіевской церкви о. Ѳ. П. Мысловскаго, недавно скончавшагося), студенты изумлялись огромной учености профессора-ректора; каждый предметъ читалъ онъ такъ, какъ бы это былъ предметъ собственной его каѳедры. Намъ же студентамъ послѣдняго выпуска, Димитріемъ завершеннаго (1845—1849 г.), приходилось также удивляться многосвѣдущему уму нашего ректора, при производствѣ имъ нашихъ полугодичныхъ и годичныхъ испытаній. Тогда въ ректорѣ-экзаменаторѣ видѣли мы, кромѣ высокаго богослова, также великаго философа, и математика, и физика, и астронома, и историка. Что касается его отношевій къ экзаменуемымъ студентамъ, это были отношенія истиннаго отца къ дѣтямъ. Не говоря о снисходительности о. ректора къ отвѣтамъ слабымъ, довольно упомянуть о его мягкомъ отношеніи къ студентамъ, вовсе не отвѣчавшимъ на экзаменахъ. «Скажите мнѣ о философіи греческаго Платона», предложилъ ректоръ вопросъ экзаменуемому по исторіи философіи, студенту С. Когда сей мало занимавшійся науками студентъ ничего не сказалъ на предложенный вопросъ, ректоръ замѣтилъ ему: «вы думаете, проучиться въ академіи можно даже такъ, чтобы и о Платоновой философіи даже не вѣдать»; но накакихъ нареканій на бѣдняка-студента за его незнаніе отъ ректора затѣмъ не послѣдовало. Другому студенту на томъже экзаменѣ пришлось говорить о мегарской школѣ учениковъ Сократовыхъ, и вотъ нашъ другъ И А. К. началъ: «Мегарики»; подумавъ продолжалъ:—Мегарики».. и затѣмъ послѣ продолжительной паузы снова:—Мегарики..» и затѣмъ замолчалъ. — «Что же Мегарики? улыбнувшись спросилъ о. ректоръ:—должно быть ихъ философія такъ трудна, что вы ни слова не можете о ней промолвить. Довольно!». Но не выведи, читатель, изъ сихъ разсказовъ о нашихъ грѣхахъ невѣдѣнія заключенія, будто въ академіи были все незнайки. Нѣтъ; и по столь трудному предмету, каковъ Исторія философіи, воспитанники временъ Димитрія оказывались многіе образцовымы знатоками. Такъ напри-

мѣръ однажды на экзаменѣ, производимомъ митрополитомъ Филаретомъ, одинъ изъ студентовъ столь подробно изложилъ въ своемъ отвѣтѣ философію пантеистическую Спинозы, что привелъ старца-первосвятителя не только въ удивленіе, но даже въ испугъ своимъ отчетливымъ знаніемъ. «И ты все это выучилъ? спросилъ студента митрополитъ.—Забудь, другъ мой, забудь все ато хитросплетеніе мыслей ума заблуждавшаго, забудь тотчасъ, какъ выйдешь за порогъ сего зданія» а). За то, когда излагаемо

а) Любопытно для сравненія съ кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ здѣсь прочесть объ отношеніяхъ къ экзаменамъ въ Московской академіи друга кіевскому владыкѣ, митрополита московскаго Филарета.

„Экзамены частные кончились у насъ 8-го числа. Теперь совершенно ничего не дѣлаемъ, или занимаемся чтеніемъ журналовъ. Роспускъ Богъ вѣсть когда будетъ. Зависитъ это отъ пріѣзда митрополита, который, говорятъ, пріѣдетъ 27 числа. Онъ былъ у насъ да уѣхалъ назадъ въ Москву. Былъ на частныхъ экзаменахъ, какъ ревизоръ, и ждемъ пріѣзда его на публичное испытаніе. Впрочемъ этотъ ревизоръ не такъ часто посѣщаетъ и не такъ строгъ, какъ обыкновенные ревизоры. Ревизія его обыкновенно и по преимуществу касается оканчивающихъ академическій курсъ. Но нынѣ онъ былъ у насъ даже въ продолженіи двухъ дней, на обоихъ философскихъ экзаменахъ, чему примѣровъ не помнятъ. Что заставило его послушать нашей философіи? Думаютъ, состояніе философіи современной, опасеніе, чтобы въ нашемъ мѣстѣ западныя идеи не нашли своихъ проповѣдниковъ и защитниковъ. Это опасеніе высказалось въ немъ во время экзаменовъ. Онъ критически смотрѣлъ на наши лекціи и разсматривалъ ихъ по отношенію къ современной наукѣ. „Философія, по его понятію, не должна гоняться за современностію, иначе она сдѣлается ложною и пустою. Философія на Западѣ сдѣлалась пустою, отчего философскія каѳедры остались безъ слушателей, которые или ушли воевать, или обратились къ наукамъ политико-экономическимъ“. Ему не понравилось понятіе о темпераментѣ, который у насъ выводится изъ природныхъ свойствъ духа и устройства тѣлеснаго и есть взаимное отношеніе и степень воспріимчивости и самодѣятельности. На его взглядъ, темпераментъ состоитъ въ такомъ или иномъ устроеніи тѣлеснаго организма и вліяніи этого устройства на психическую жизнь. Вообще психологія наша особенно подвергалась его нападеніямъ. Замѣчанія его очень серьезны

было на экзаменѣ ученіе кого-либо изъ отцевъ Церкви, или же предлагалось что-либо изъ священной и церковной исторіи, достоблаженный святитель нашъ съ сердечнымъ сочувствіемъ говорившему отвѣтъ вторилъ: «да, да, такъ, такъ», присоединялъ отъ себя какое-либо замѣчаніе, всегда для насъ интересное, о томъ чего еще мы не слыхали отъ профессоровъ. Любилъ владыка испытывать студентовъ въ знаніи природы: экзаменъ по Физикѣ происходилъ всегда въ физическомъ кабинетѣ. И старецъ митрополитъ нашъ дѣтски восхищался удачнымъ производствомъ здѣсь научныхъ опытовъ. И нерѣдко происходило на экзаменахъ митрополичьихъ, что митрополитъ приходилъ въ восторгъ отъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ студентовъ и тутъ же предлагалъ нашему о. ректору: представить профессоровъ, по предметамъ коихъ отвѣчали удачно, къ наградамъ годоваго оклада. Особенно владыка митрополитъ Филаретъ доволенъ былъ духомъ и направленіемъ наукъ въ академіи. Приписывая сіе въ особенности двоимъ: І. М. Скворцову и о. ректору нашему, митрополитъ серьез-

---

Его сужденіе такъ основательно, что невольно заставляетъ согласиться съ собой. Даже нашъ *Глава философофъ*, какъ называлъ владыка Ѳедора Александровича Голубинскаго, не могъ противостоять его критикѣ. Онъ часто вставалъ, но скоро и садился: возраженія и положенія противника заставляли молчать. Примѣтно, хорошо знакомъ митрополитъ и съ исторіей философіи: потому что дѣлалъ вопросы и замѣтки, которые показываютъ, что онъ читалъ, занимался ею. Забавна выходка его на счетъ Лейбница. Когда студентъ раскрывалъ содержаніе его *Монадологіи*, владыка дѣлаетъ вопросъ Ѳ. Александровичу: „Что, вы читали эту книгу? Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ, что этого сочиненія въ подлинникѣ не читалъ. Не передаете ли вы его по пересказанному? Быть не можетъ, чтобы этотъ философъ, такой умный написалъ такую сказку. Его предуставленная, вѣчная гармонія дѣлаетъ изъ міра машину, которая движется и дѣйствуетъ по пружинѣ, однажды заведенной“. Вообще интересно послушать бесѣду митрополита, такъ знаменитаго у насъ своимъ глобоко-знаніемъ. На частныхъ экзаменахъ онъ болѣе позволялъ себѣ говорить, нежели на публичномъ“ (Изъ письма Григор. Петр. Быстрицкаго отъ 24 іюня 1848 года).

но именовалъ о. протоіерея Скворцова и о. Димитрія *столпами православія* б).

Слушая лекціи Скворцова, мы убѣдились, что не напрасно былъ онъ въ особенномъ благоволеніи и у московскаго первосвятителя Филарета, котораго ученикомъ былъ по академіи Петербургской (въ составѣ перваго курса ея студентовъ). Метафизическія лекціи Скворцова содержали въ себѣ сущность всего, доселѣ высказаннаго сею наукой въ подтвержденіе божественныхъ истинъ христіанства. Достоинства незабвеннаго сего профессора философіи возвышались для насъ, его слушателей, строго-безупречною и вполнѣ назидательною жизнію, такъ что всѣ мы единодушно признавали и называли протоіерея Скворцова *мудрецомъ христіанскимъ*.

Несмотря на множество профессоровъ, лекціями которыхъ мы наслаждались, находясь въ младшемъ курсѣ, мы,

---

б) И преосвященный Димитрій съ своей стороны былъ самыхъ высокихъ понятій о митрополитѣ Филаретѣ кіевскомъ. Неоднократно отъ говорилъ намъ студентамъ о добродѣтеляхъ Филарета въ классѣ. Разсказывалъ, какъ очевидный свидѣтель дѣлъ милосердія владыки приснопамятнаго, о сихъ дѣлахъ намъ въ назиданіе. Повѣдалъ и о томъ, что достоблаженный Филаретъ нашъ милостивый обладалъ въ высокой степени даромъ испытанія „духовъ, аще отъ Бога суть“ (1 Іоан. 4, 1). „Далъ мнѣ владыка митрополитъ нашъ для прочтенія, говорилъ намъ о. ректоръ, — сочиненіе одного изъ студентовъ академіи Петербургской, присланное къ нему на рецензію для утвержденія того студента въ степени магистра. Прочитавши, принесъ владыкѣ и говорю: авторъ заслуживаетъ степень присужденную ему академіей. — „Подлинно ли такъ, о. ректоръ, возразилъ владыка и присоединилъ:—дайте мнѣ сочиненіе, я вамъ укажу, что въ немъ имѣется, какія мысли“. Взявши тетрадь, митрополитъ сталъ читать ее предо мною и при чтеніи указалъ мнѣ дѣйствительно такія нечестивыя мысли, тонко прикрытыя авторомъ, что я изумился, какъ самъ не усмотрѣлъ ихъ, и подивился прозорливости владыки. „Повѣрьте мнѣ, о. Димитрій, примолвилъ къ этому святитель:—авторъ этого сочиненія нехорошо окончитъ жизнь свою“. Опасеніе владыки оправдалось: по отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, спустя нѣкоторое время услыхали мы о несчастной кончинѣ, постигшей автора, о которомъ была рѣчь (погибъ самоубійствомъ).

слыша каждый день отъ старшихъ изъ студентовъ (XIII-го курса) о ихъ восхищеніи отъ лекцій ректора о. Димитрія, сгарали нетерпѣніемъ самолично выслушать его богословскіе уроки. Въ 1847 году явилось въ печати весьма интересное для насъ сочиненіе: *Введеніе въ православное Богословіе, А. Макарія.* Въ сентябрѣ тогоже года начали мы слушать лекціи нашего профессора Богословія по тому-же предмету, т.-е. по основному Богословію, или энциклопедіи богословскихъ наукъ, наукѣ, иначе именуемой *Введеніе въ Богословіе.* Несмотря на то что мы читали книгу архимандрита Макарія, книгу обстоятельную и многоученую, чтенія нашего о. ректора Димитрія являлись намъ чѣмъ-то новымъ, весьма интереснымъ, такимъ, чего еще мы не знали, и весьма насъ не только интересовали, но и воодушевляли и въ семъ и въ наступившемъ 1848 году. Изъ нашего курса записывали всѣ лекціи ректора Димитрія два или три человѣка, отличавшіеся въ скорописи. Прочіе, не обладавшіе искусствомъ скорописанія, боялись, чтобы изъ желанія записать слова лекціи не проронить въ ней какихъ-либо мыслей. Самъ же о. ректоръ не хотѣлъ издавать въ печать свои академическія чтенія по глубокому смиренію своему. Разсказывали, что многократно просилъ его объ отпечатаніи лекцій кіевскій митрополитъ Филаретъ. И ради послушанія только ему ректоръ Димитрій началъ было печатать лекціи свои по Каноническому праву въ журналѣ: Воскресное Чтеніе. Но напечаталъ не много. Изъ послушанія также первосвятителю напечаталъ о. Димитрій первый томъ своихъ проповѣдей.

О. ректоръ Димитрій состоялъ на службѣ при академіи свыше пятнадцати лѣтъ. Относительно его профессорской здѣсь дѣятельности въ исторической запискѣ, читанной на актѣ въ день юбилея академіи кіевской 28 сент. 1869 г., сказано было слѣдующее: «болѣе опредѣлительное въ теоретической сторонѣ богословствованіе преосвященнаго Димитрія отличалось еще болѣе широкимъ развитіемъ историческаго изученія догматовъ и каноновъ церковныхъ,

начатаго въ академіи преосвященнымъ Иннокентіемъ. Расширяя область своей богословской науки, ректоръ-профессоръ, чтобы вмѣстить ее въ предѣлы учебнаго курса, бралъ на себя по шести полутора-часовыхъ лекцій въ недѣлю, давая примѣръ не охлаждавшейся до послѣдняго дня его ректорства преданности своему дѣлу. Многостороннее богословское образованіе ректора Димитрія сказывалось также въ руководственномъ вліяніи на преподавателей другихъ наукъ, какъ богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ, въ выработкѣ для нихъ программы, которою занята была академическая конференція, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, и которая сопровождалась обновленіемъ прежнихъ учебныхъ курсовъ и введеніемъ новыхъ, каковы особенно курсы Каноники и Патрологіи, къ которымъ въ 1847 году хотѣли присовокупить и Педагогію. Программы трехъ послѣднихъ наукъ составлены Димитріемъ, который и самъ читалъ общую часть Каноники. Изъ другихъ, такъ сказать добавочныхъ чтеній ректора Димитрія особенно памятны чтенія его по священному Писанію, состоявшія въ объясненіи дневныхъ Евангелій и Апостоловъ. Иногда читались онѣ въ субботу въ 3—4 часахъ. Воспитанный въ преданіяхъ академическаго проповѣдничества Иннокентія, Димитрій весьма часто проповѣдовалъ въ Братской соборной церкви и почти всегда начиналъ проповѣдничать на такъ называемыхъ Пассіяхъ» [в]).

Студентамъ 14-го курса Кіевской академіи (1845—1849 годовъ) послѣднимъ привелъ Богъ выслушать курсъ Богословія (основнаго и догматическаго) изъ устъ приснопамятнаго профессора Димитрія. Въ декабрѣ 1850 г. онъ оставилъ академію, былъ назначенъ въ епископа тульскаго, въ каковый санъ хиротонисанъ былъ въ С.-Петербургѣ 4 марта 1851 года.

в) Особый въ кіевскихъ соборныхъ храмахъ и приходскихъ церквахъ обрядъ: на повечеріяхъ пятковъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й седмицъ прочитываются среди храма Евангелія о страданіяхъ Господа, съ нѣкоторыми пѣснопѣніями св. в. пятка.

Сохранилось письменное важное свидѣтельство о той пользѣ, какую принесъ Кіевской академіи о. Димитрій, какъ ея профессоръ и ректоръ. Это свидѣтельство незабвеннаго великаго авторитета, м. м. Филарета, который въ 1852 году отъ 8 апрѣля писалъ въ письмѣ къ архіепископу орловскому Смарагду между прочимъ сіе: «Ученіе въ Кіевской академіи приведено въ законную силу. Надлежитъ только поддерживать».

Пишущему сіи воспоминанія привелъ Богъ видѣть своего бывшаго ректора въ священнослуженіи архіерейскомъ въ Тулѣ въ 1851 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и принять отъ него архипастырское благословеніе. Благоговѣйно-величественному богослуженію епископа соотвѣтствовалъ и хоръ его пѣвчихъ, прекрасно пропѣвшихъ пѣніе божественной литургіи. Особенно хорошо были пропѣты воскресные антифоны на причастнѣ. Владыка Димитрій любилъ сіи высокія пѣснопѣнія св. Іоанна Дамаскина, воспѣваемыя кромѣ утрень воскресныхъ и на погребеніи священниковъ и при погребеніи иноковъ.

Въ Тулѣ я слышалъ трогательный разсказъ о милосердіи къ нуждающимся преосвященнаго Димитрія. Приходитъ къ преосвященному одна бѣдная вдова-дворянка и проситъ у него денежной помощи для устроенія дочери ея въ замужство. Владыка говоритъ: «теперь денегъ у меня нѣтъ, извините меня. Но приходите дней чрезъ пять, тогда пособлю, чѣмъ мнѣ самому пособятъ добрые люди». На слѣдующій день владыка совершалъ освященіе храма въ селѣ одного состоятельнаго помѣщика. По освященіи присылаютъ ему приношеніе въ пакетѣ. Этотъ пакетъ не распечатавъ вручилъ владыка пришедшей по слову его просительницѣ. Сія, получивъ и возблагодаривъ, чрезъ нѣсколько времени возвращается обратно и говоритъ: «милостивѣйшій архипастырь! Здѣсь очень много денегъ; не смѣю взять отъ васъ такую сумму, зная, что у самихъ васъ не бываетъ денегъ».—«Сколько же здѣсь?»—«Пятьсотъ рублей, владыка».—«Не безпокойтесь, возьмите эти

деньги къ устроенію дочери вашей. Я вѣдь обѣщалъ пособить вамъ, чѣмъ мнѣ пособятъ добрые люди. Возьмите же все это пособіе ихъ отъ меня».

Изъ Тулы преосвященный Димитрій, по кончинѣ своего по академіи наставника преосвященнаго архіепископа Иннокентія (Борисова), былъ переведенъ на его мѣсто въ Одессу. Семнадцать лѣтъ провелъ приснопамятный владыка въ Одессѣ въ сіе первое свое управленіе паствой херсонскою и одесскою. И какъ въ Тулѣ пріобрѣлъ себѣ великую отъ всей паствы любовь и уваженіе, такъ еще большую снискалъ къ себѣ любовь отъ паствы Новороссійскаго края. Съ признательною любовію къ святителю и доселѣ воспоминаетъ паства херсонская о немъ, какъ о пастырѣ просвѣщеннѣйшемъ, мудромъ и благостнѣйшемъ. Вотъ подлинныя слова одного изъ высокопочтенныхъ лицъ херсонской паствы о преосвященномъ архіепископѣ Димитріѣ, какія имѣлъ утѣшеніе выслушать пишущій сіи воспоминанія самолично отъ сего добраго и благочестиваго господина г): «такіе архипастыри, какъ преосвященный Димитрій, родятся вѣками. Въ первый разъ управлялъ онъ нашею епархіей семнадцать лѣтъ, въ другой два года. Въ оба раза пребыванія у насъ являлся одинаковъ. У него ничего не было для себя. Все онъ раздавалъ бѣднымъ. Многія въ Одессѣ семейства питались его милостыней. Трапезу употреблялъ самую простую. Объ одеждѣ не было заботъ у него. Если бывало не пришлетъ ему кто-либо изъ паствы въ даръ на рясу, ходитъ въ старыхъ рясахъ и въ праздники. Каждодневно въ соборѣ каѳедральномъ надъ могилой Димитрія найдете множество новыхъ и свѣжихъ вѣнковъ. Долго, долго помнить будетъ Димитрія Одесса. Точнѣе—никогда его не забудетъ она. Не говорю уже объ умѣ его,—это былъ самый высокій и образованный умъ. Онъ оставилъ послѣ себя рѣдкую библіотеку. Въ библіотекѣ состояло все богатство его. Когда его назна-

г) Г. помѣщикъ Херсонской губерніи Н. Ѳ. Г...ій.

чили отъ насъ въ Ярославль, онъ уже страдалъ ревматизмомъ въ ногахъ, и потому желалъ остаться въ нашемъ тепломъ краѣ и просилъ увольненія на покой, для чего избралъ небольшой монастырь надъ Днѣпромъ—Безюковъ. Но покойный Государь Императоръ не уволилъ его, а предоставлялъ ему выбрать себѣ какую угодно еще епархію на югѣ, только бы оставался при дѣлахъ церковнаго управленія. Мы слышали, что и въ другихъ мѣстахъ службы преосвященнаго Димитрія, его весьма любилъ и чтилъ народъ. Когда отъ насъ слѣдовалъ онъ въ Ярославль, жители города Тулы за много верстъ встрѣтили владыку, хотѣли отпрѣчь лошадей и сами ввезти его въ городъ. Ярославцы, когда перевели Димитрія отъ нихъ на Волынскую епархію, не хотѣли съ нимъ разставаться. Въ Житомірѣ не только христіане, самые евреи встрѣтили владыку сего съ великою любовію. Да, онъ истинно былъ популяренъ».

Въ 1869 году бывши на праздникѣ 50-тилѣтняго юбилея Кіевской д. академіи (со времени ея преобразованія въ 1819 году), преосвященный Димитрій въ рѣчи своей скромно выразился о бывшей въ ней дѣятельности своей словами: «и моего здѣсь капля меду естъ».

Кіевляне и послѣ и прежде торжества сего имѣли радость видѣть преосвященнаго херсонскаго Димитрія. Въ 1873 году былъ онъ на юбилеѣ преосвященнаго м. Арсенія, какъ бывшій ученикъ сего святителя въ Рязанской духовной семинаріи. Задушевная рѣчь ученика къ учителю, полная чувствъ искренней признательности и глубоко-благоговѣйнаго уваженія къ маститому первосвятителю всѣхъ насъ тѣмъ болѣе восхищала, что исходила изъ устъ также святителя, и притомъ нами глубоко любимаго и высокочтимаго.

Въ тотъ же незабвенный пріѣздъ свой въ Кіевъ преосвященный Димитрій утѣшилъ насъ сказаніемъ своимъ о мощахъ священномученика Григорія патріарха цареградскаго, въ 1821 году мученически скончавшагося въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. «Когда переносили

мощи священномученика Григорія патріарха изъ Одессы въ Аѳины, меня сподобилъ Господь послужить подъятію святыхъ мощей сихъ изъ могилы и сопровожденію ихъ на корабль», говорилъ преосвященный Димитрій, воспоминая о великомъ ономъ первосвятителѣ православной Церкви греко-восточной. Слушавшіе спросили владыку: «въ какомъ видѣ, высокопреосвященнѣйшій, обрѣли вы мощи патріарха-священномученика?» — «Совершенно нетлѣнными, отвѣтилъ преосвященный Димитрій и дополнилъ при семъ:— «Руки священномученика крѣпко прижаты къ персямъ, такъ что облаченіе святительское, какое прислано было Императоромъ Александромъ Благословеннымъ, положено было въ гробницѣ поверхъ мощей, которыя обернуты въ бѣлый хитонъ и на главѣ драгоцѣнная митра».

Въ 1876 году былъ преосвященный Димитрій въ Кіевѣ для погребенія приснопамятнаго митрополита Арсенія. Въ 1880 году проѣзжалъ Кіевомъ въ Ярославль, гдѣ недолго прослуживши, былъ переведенъ въ Волынь. Изъ Житомира, ревизуя новую свою епархію, пріѣзжалъ въ Кіевъ для свиданія съ митроп. Филоѳеемъ, котораго весьма почиталъ и любилъ. Въ этотъ пріѣздъ свой преосвященный Димитрій повѣдалъ намъ о причинахъ того плача своего, о которомъ сказано нами въ началѣ нашихъ сихъ воспоминаній. Вотъ подлинныя его самого слова о семъ: «Въ семинаріи я много плакалъ, такъ что и звали меня *плакса*. Въ академіи плакать я пересталъ. Поступивъ же на епископское служеніе, снова началъ плакать и доселѣ плачу. Причина этого плача моего—скорбь о несовершенствахъ многихъ изъ клира. И несовершенства эти замѣчены мною вездѣ. Тамъ, въ великорусскихъ епархіяхъ грубые пороки. Здѣсь, въ западной окрайнѣ, народъ утонченный, и по внѣшности какъбы все хорошо. Но на дѣлѣ происходятъ также безпорядочныя дѣйствія и поступки. Вотъ о чемъ я, отцы и братія, горько сокрушаюсь».—Въ 1882 году преосвященный Димитрій совершилъ погребеніе преосвященнаго митрополита Филоѳея, на мѣсто коего самъ ожидаемъ

и желаемъ былъ кіевлянами въ митрополиты. Судьбы Божіи опредѣлили ему возврититься въ Одессу, не менѣе Кіева его полюбившую. Оттуда два раза пріѣзжалъ приснопамятный владыка Димитрій въ Кіевъ, и въ другой разъ за два мѣсяца до своей кончины, которая постигла его 14 ноября, въ 10½ часовъ утра, 1883 году. О кончинѣ своей онъ пророчески сказалъ при встрѣчѣ его духовенствомъ одесскимъ въ 1882 году: «Я пріѣхалъ въ Одессу умереть».

Покойный преосвященный Димитрій, когда былъ на херсонской каѳедрѣ, прожилъ безвыѣздно три года въ Петербургѣ, гдѣ онъ при святѣйшемъ Синодѣ занимался составленіемъ проѐкта новаго Устава для духовныхъ семинарій и для духовныхъ училищъ. Намъ, когда были мы учителями въ духовныхъ семинаріяхъ, приводилось читать предположенныя имъ программы наукъ и распредѣленіе ихъ по классамъ училищнымъ и семинарскимъ. Не можемъ здѣсь умолчать о глубокой скорби многихъ изъ тогдашнихъ преподавателей въ семинаріяхъ духовныхъ, что превосходный планъ и распорядокъ наукъ, составленный богопросвѣщеннымъ архипастыремъ Димитріемъ, остался безъ приложенія.

Вѣчная память тебѣ, богопросвѣщенный наставникъ нашъ и богомудрый святитель Церкви, Димитрій.

Прот. Н. И. Флоринскій.